

СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ПРОЦЕССЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ SOCIOLOGY, SOCIAL STRUCTURES AND PROCESSES, SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 316.776.2

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-3-452-464

Противоречие интерпретаций политического стереотипа железного занавеса в коллективной памяти (на примере студенческой молодёжи г. Тольятти)

Цветкова И.В.

Тольяттинский государственный университет,
Россия, г. Тольятти, 425020, ул. Белорусская, д. 14
aleksandrkozlov@mail.ru

Аннотация. История советского периода на современном этапе является ареной политического противоборства. Это находит отражение в существовании противоречий в трактовках событий и явлений советской эпохи. Цель исследования – выявить противоречие интерпретаций политического стереотипа железного занавеса, которое находит проявление в суждениях молодежи о советском периоде истории и о современном обществе. Методология исследования базируется на концепциях конструктивизма, применяемых для изучения коллективной памяти. Эмпирическая база исследования включает материалы четырех фокус-групп, которые были проведены среди студентов трех вузов Тольятти. Результаты исследования показали, что противоречие интерпретаций железного занавеса проявляется в оценках молодежью идеологии, культуры советского периода. В отношении молодежи к поколениям, воспитанным под влиянием советской идеологии, обнаруживаются противоречия, обусловленные трактовками стереотипа. Социальная идентичность молодежи включает противоречивые оценки советского образа жизни с учетом современных позиций в отношении к Западу. В исследовании были выявлены различия между функциями «либеральной» и «исторической» трактовки стереотипа железного занавеса.

Ключевые слова: исторический нарратив, методология конструктивизма, исторические знания, политика памяти, советский образ жизни, идеология, идентичность

Для цитирования: Цветкова И.В. 2024. Противоречие интерпретаций политического стереотипа железного занавеса в коллективной памяти (на примере студенческой молодежи г. Тольятти). *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права*, 49(3): 452–464. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-452-464

Contradictory Interpretations of the Iron Curtain Political Stereotype in Collective Memory (a Case Study of Tolyatti Student Youth)

Irina V. Tsvetkova

Tolyatti State University,
14 Belorusskaya St, Tolyatti 425020, Russian Federation
aleksandrkozlov@mail.ru

Abstract. The history of the Soviet period at the present stage is an arena of political confrontation. This is reflected in the existence of contradictions in the interpretations of the Soviet era events and phenomena. The purpose of the study is to identify contradictions in the interpretations of the political stereotype of the Iron Curtain, which are manifested in young people's judgments about the Soviet period

of history and modern society. The methodology of the study is based on the concepts of constructivism used for studying collective memory. The empirical base of the study includes materials from four focus groups that were held among students of three universities in Tolyatti. The results of the study showed that contradictions in the interpretations of the Iron Curtain are manifested in young people's assessments of the Soviet time ideology and culture. In the attitude of young people to generations brought up under the influence of Soviet ideology, contradictions are found due to interpretations of the stereotype. The social identity of young people includes contradictory assessments of the Soviet way of life, taking into account contemporary attitudes to the West. The study identified differences between the functions of the "liberal" and "historical" interpretations of the Iron Curtain stereotype.

Keywords: historical narrative, constructivist methodology, historical knowledge, politics of memory, Soviet way of life, ideology, identity

For citation: Tsvetkova I.V. 2024. Contradictory Interpretations of the Iron Curtain Political Stereotype in Collective Memory (a Case Study of Tolyatti Student Youth). *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(3): 452–464 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-452-464

Введение

Советский период истории является предметом дискуссий в России и за рубежом. Участниками дискуссий являются не только ученые или политики, но и представители других социальных групп. Формирование исторического сознания современной российской молодёжи при существовании плюрализма оценок советского периода требует изучения структурных элементов коллективной памяти, которые влияют на преемственность социального опыта, связей между поколениями. «В современном российском обществе значительной трансформации подвергаются институциональные и ценностные структуры жизненного пространства социальной памяти. Они вызваны сменой общественного строя, разрушением прежних и утверждением новых ценностных ориентаций в сознании и поведенческих практиках новых элит, социальных слоев и групп», – отмечает О.В. Фетисова [2021, с. 64]. Являясь составным элементом исторического сознания, коллективная память воспроизводит образы и смыслы прошлого в современном контексте [Кутыкова, 2015, с. 10]. При этом важно подчеркнуть, что историческое сознание не ограничено временным измерением прошлого, оно связано с настоящим и с будущим [Влануша, 2005].

Формирование различных вариантов интерпретации событий советской истории является основанием для войн памяти, которые ведутся на постсоветском пространстве [Миллер, 2019, с. 89]. Идейные разногласия затрагивают различные аспекты внутренней и внешней политики СССР, в том числе и политику железного занавеса.

Представления общества о железном занавесе включают когнитивные, ценностные и эмоциональные компоненты, которые претерпевают изменения под влиянием развития исторической науки, информации из СМИ, политических стратегий [Федоров, 2009, с. 65]. Сложная структура такого политического стереотипа, как железный занавес, охватывала различные аспекты социальных отношений (внешнюю и внутреннюю политику, образ жизни членов общества, идеологические и культурные аспекты и т.д.) времен СССР. На современном этапе политический стереотип железного занавеса применяется для характеристики советского периода истории, когда контакты граждан СССР с Западом находились под жестким контролем государства. В коллективной памяти противостоят противоречивые картины общества, в котором не было свободы для творческих проявлений, с описаниями достижений в сфере науки, искусства, спорта, освоения космоса.

В отечественной исторической науке понятие «железный занавес» рассматривают как один из элементов политики противостояния СССР и западных стран, начало которой было провозглашено в фултоновской речи У. Черчилля, произнесенной в 1946 году в

присутствии американского президента Г. Трумэна¹. Содержание речи, как предполагалось, было связано с подготовкой Великобритании к третьей мировой войне. Территорию Европы, которая по итогам Второй мировой оказалась в зоне влияния Советского Союза, У. Черчилль назвал находящейся под железным занавесом. В своем ответе Сталин раскрыл содержание политического курса Великобритании и США, направленного на подчинение СССР и стран Центральной и Восточной Европы диктату англоязычных государств [Киселев, 2022, с. 29].

Историческая наука, как и коллективная память, стремится к созданию целостной картины исторического процесса. Однако, в отличие от повседневного сознания, наука ставит задачи получения объективных знаний, теоретического осмысления исторических процессов. Реконструкция прошлого использует различные ресурсы, практики, методы, технологии. Представление о прошлом кодируется, декодируется и перекодируется в рамках существующих социальных контекстов [Smit, 2020, p. 97].

Создание целостного исторического нарратива обусловлено потребностями современного человека понять развитие общества, опираясь на знания о прошлом. Исторические нарративы важны для объяснения происхождения и характера общественного строя, а также для формирования социальных взаимодействий между поколениями. Они способствуют сплоченности общества, доверию и социальной интеграции. Отсутствие таких нарративов порождает чувство неуверенности, разочарование и нигилизм, которые ведут к насилию в различных проявлениях [Thompson, 2017].

Конкуренция между интерпретациями исторических событий создает предпосылки для манипулирования индивидуальным и общественным сознанием, обостряет конфликты между представителями различных поколений [Замараева, 2022, с. 265]. Для этих целей используются политические мифы и стереотипы. К последним относится железный занавес, который ассоциируется с политической ситуацией в период холодной войны.

В зарубежных учебниках по истории причины возникновения железного занавеса связывают с последствиями Второй мировой войны, после завершения которой часть государств Европы оказалась под контролем Советского Союза. Подобная трактовка событий осуществляется в рамках современной политики ЕС, направленной на формирование общего для европейских граждан исторического сознания [Nordgren, 2021, p. 10]. Реализуются проекты по формированию общего представления членов ЕС об истории с целью создания европейской идентичности, которая должна прийти на смену национальной идентичности. Осуждению подвергаются сталинизм и социализм в процессе евроинтеграции постсоциалистических государств [Медушевский, 2019, с. 173].

В период холодной войны тоталитарное мышление определяло характер отношений между западным и советским обществом через антагонизм, непримиримое мировоззренческое противостояние [Ефременко, 2023, с. 21]. Во время перестройки изменилось отношение к механизмам, которые применялись руководством СССР для противодействия влиянию западной культуры. Идеология перестройки и нового мышления, провозглашенная М.С. Горбачевым, опиралась на общечеловеческие ценности, отказ от классовых борьбы и прекращение конфронтации с Западом [Лукьянов, 2021]. На основе либеральных идей особое значение приобрели права человека, общечеловеческие ценности, свобода миграций, туризм [Ключников, 2017].

После распада социалистической системы, в процессе интеграции государств Восточной Европы в европейское сообщество формируется политика памяти, которая трансформирует оценку исторических событий второй половины двадцатого века. Политика памяти опирается на представления об единстве народов Европы, разрушенного

---

¹ Черчилль У. Речь в Вестминстерском колледже, г. Фултон, штат Миссури, США, 5 марта 1946 г. URL: <https://www.mid.ru/upload/medialibrary/6b0/Речь%20Уинстона%20Черчилля.pdf> (дата обращения: 31.08.2024).

советским режимом. Конструирование европейской идентичности в постсоциалистических государствах базируется на создании негативного образа России, исключения из исторической памяти советского периода истории [Рябов, 2016]. Метафора «железный занавес» нередко используется по отношению к тоталитарному режиму, чтобы доказать жестокость, бесчеловечность политики СССР в Восточной Европе ¹.

В российском обществе политический стереотип «железного занавеса» используют для объяснения особенностей мировоззрения советского человека, находящегося под идеологическим контролем. Характеризуя черты советского человека, В.В. Касьянов отмечает существование «двоемыслия», которое находило отражение в различиях между идеалами и реальными условиями жизни. Для советского человека была характерна «принудительная самоизоляция», обусловленная информационной блокадой [Касьянов, 2021, с. 143]. Политический стереотип железного занавеса порождает негативные ассоциации, связанные с условиями ограничения свободы, отсутствием возможности выбора, жестким идеологическим контролем. Эти образы создают препятствия для интеграции информации о советском периоде в структуру коллективной памяти.

Положительные оценки характеризуют примеры героизма и славы, они более просты для принятия социумом и выступают объектами национальной гордости. И, напротив, исторические события, которые сопряжены с переживанием чувства вины или стыда, гораздо труднее принимаются обществом как часть своего прошлого [Von Borries, 2011]. Таким образом, коллективная память формирует картины прошлого на основе эмоционально-образных переживаний, воспоминаний, метафор, конструирования мифов [Karlsson, 2011].

Среди особенностей советского политического мифа исследователи [Евгеньева, Титов 2017; Асонов, 2022] выделяют представление о единственной «правильной» системе ценностей, приписывание событиям символического значения, объяснение причин событий замыслами исторических субъектов. Разрушение советского мифа в постсоветский период не привело к его полному исчезновению, устойчивые элементы структуры воспроизводятся в современных условиях [Усманова, 2023, с. 260].

В спорах о железном занавесе, которые периодически возникают на интернет-площадках, принимают участие не профессиональные историки, а люди, которые желают высказать свое мнение о советском образе жизни. Например, в 2020 году состоялась дискуссия «Железный занавес» в СССР: зло или благо» ². Участники обсуждения затрагивали темы информированности советских граждан о западном образе жизни, доступности зарубежного туризма, качества и уровня жизни в СССР и за рубежом. В ходе дискуссии были высказаны мнения о политике советского государства, которая ограничивала информацию, поступающую с Запада, контролировала выездной туризм. Условия жизни в советский период сравнивались с современным российским обществом. Материалы дискуссии показывают, что железный занавес на уровне повседневного сознания рассматривается в качестве устойчивого стереотипа, который используется представителями разных поколений для характеристики особенностей образа жизни, сформировавшегося в СССР, а также для понимания современного российского общества.

Анализ публикаций, в которых используется понятие «железный занавес» [Бебешко, 2016; Киселев, Кефели, Опокин 2022; Ключников, 2017; Кутепов, Рыбаков 2013; Громыко, 2016; Ширяев, 2016; Павловская, 2012] показывает, что оно находит применение не только для объяснения исторических событий, но также для обоснования политики памяти на современном этапе.

¹ Андре Либих «Железный Занавес: разрушение Восточной Европы в 1944–1956 годах»: рецензия на книгу американской журналистки Энн Аппельбаум URL: <https://nashagazeta.ch/news/cultura/18711> (дата обращения: 31.08.2024).

² Харалужный А. 2020. «Железный занавес» в СССР: зло или благо. Военное обозрение, Аналитика. URL: <http://topwar.ru> (дата обращения: 31.08.2024).

В политическом контексте понятие «железный занавес» используют для осуждения тоталитарного режима, который ограничивал развитие СССР и стран Восточной Европы, так как препятствовал сотрудничеству с Западом.

В коллективной памяти на трактовку политического стереотипа железного занавеса определенное влияние оказывают научные знания, политические идеи, а также повседневные представления. Все это создает предпосылки для создания множества противоречивых интерпретаций, которые могут быть изучены с помощью качественных методов социологии.

Цель, объекты и методы исследования

Цель исследования состоит в выявлении противоречий интерпретаций политического стереотипа железного занавеса, которые находят проявление в суждениях молодежи о советском периоде истории и о современном обществе.

При составлении инструментария исследования и анализе результатов, мы опирались на гипотезу о том, что интерпретации железного занавеса в коллективной памяти молодежи различаются в зависимости от способов конструирования образов прошлого. Интерпретация, которая получила название «либеральная», исходит из того, что феномен железного занавеса следует оценивать в аспекте его влияния на повседневные условия жизни людей, права, свободы, удовлетворение потребностей граждан. При этом советское прошлое оценивают с помощью критериев, актуальных для современного общества. «Историческая» интерпретация конструирует представления о железном занавесе, в контексте сложных взаимосвязей между политикой, идеологией, культурой. Данная трактовка предполагает выявление исторических предпосылок возникновения железного занавеса, а также влияния этого феномена на современное общество.

В соответствии с гипотезой были сформулированы задачи:

- изучить противоречия в интерпретациях молодежи внешней и внутренней политики СССР, связанных с феноменом железного занавеса;
- проанализировать различия позиций участников фокус-групп относительно влияния железного занавеса на культуру советского периода;
- выявить противоречия социальной идентификации, которые находят отражение в суждениях молодежи об отношениях советского и западного общества в условиях железного занавеса.

Исследование интерпретаций понятия железного занавеса молодежью проведено на основе анализа материалов четырех фокус-групп, проведенных в октябре – ноябре 2022 г. В них принимали участие 39 студентов из трех вузов Тольятти Самарской области. Среди участников фокус-групп – 18 юношей и 21 девушка; 17 студентов обучаются по техническим специальностям, а 22 – по гуманитарным.

При составлении программы, инструментария исследования была использована конструктивистская методология, обоснованная в работах зарубежных исследователей [Ассман, 2004; Хальбвакс, 2005; Мегилл, 2005].

Результаты и их обсуждение

Идеологические противоречия интерпретаций

Стереотип железного занавеса используется молодежью для оценки политики советского периода. Участникам интервью был задан вопрос: «Раскройте содержание понятия "железный занавес". Что оно означает?». Ответы участников фокус-групп демонстрируют существование противоположных трактовок этого явления.

К «либеральной» интерпретации относится следующее суждение: *«Железный занавес – это исторический штамп, навешенный на Советский Союз, под ним понимается отношение Советского Союза к странам Запада, которое, во-первых, негативное, во-вторых, определяемое перспективой развития идей коммунизма»* (муж., 21, тех.).

«Либеральная» трактовка железного занавеса подчеркивает ущемление прав человека, которое имело место в советский период. При этом участники фокус-группы обращают внимание на трудности, с которыми сталкивались советские граждане при поездках за рубеж, в получении информации из иностранных источников.

«Железный занавес – это, когда советское правительство ограничивало влияние западной культуры на советских людей. Чтобы поехать за границу, нужно было сдавать специальный экзамен. Западные певцы приезжали по особому приглашению, не как сейчас» (муж., 22, тех.).

Данные проблемы, по мнению участников фокус-групп, препятствовали развитию культуры в советском обществе.

«Я понимаю под железным занавесом искусственные препятствия, которые лишают возможности путешествовать. До людей не доходили произведения искусства. Это лишало людей возможности знакомиться с достижениями других культур» (жен., 20, гум.).

Однако не все участники фокус-группы были согласны с такой трактовкой железного занавеса. «Либеральной» интерпретации противопоставляется «историческая», которая опирается на понимание особенностей международной обстановки в период после окончания Второй мировой войны.

«Железный занавес не у нас придумали, это обозвали, что мы такие "великие и ужасные", что отгородились от всего мира. Слова про железный занавес принадлежат Черчиллю» (муж., 22, гум.).

Политика железного занавеса, по мнению участника фокус-группы, характеризует сложные взаимоотношения, которые исторически сложились между Россией и Западом.

«Железный занавес – это ограничение влияния западной культуры на Советский Союз. Он работал в обе стороны. Логика была такая, что на основе ограничения поднимем свое производство, поднимем все отрасли, которые будут развиваться более прогрессивно и смогут конкурировать с западными» (муж., 20, гум.).

Респонденты оценивают железный занавес как информационную политику советского государства, которая была направлена на ограждение советских людей от влияния западных ценностей.

Различия «либеральной» и «исторической» трактовки проявляются в понимании участниками фокус-группы причин возникновения железного занавеса. Если «либеральная» трактовка связывает их с внутренней политикой советского государства, то «историческая» рассматривает данное явление в контексте международных отношений второй половины XX века.

«Либеральная» интерпретация рассматривает железный занавес как ограничение свободы передвижения, миграции населения за рубеж. По мнению сторонников либеральной позиции, железный занавес был одним из важных факторов стагнации советской системы.

«Историческая» трактовка железного занавеса подчеркивает специфику развития советского общества в условиях соревнования капиталистической и социалистической системы при ограниченных контактах с Западом. Сторонники «исторической» трактовки железного занавеса не являются защитниками коммунистической идеологии. Они рассматривают идейный контекст железного занавеса как следствие экономической и политической ситуации в СССР и на международной арене в условиях холодной войны.

Аксиологические противоречия интерпретаций

Противоречия интерпретаций железного занавеса находят отражение в оценке молодежью культуры советского периода. Вопрос «Какое влияние железный занавес оказал на развитие советской культуры?» стал предметом дискуссии среди участников фокус-группы.

Сторонники «либеральной» трактовки железного занавеса рассматривают систему ценностей советского общества как следствие влияния коммунистической идеологии.

Наличие железного занавеса выступает как аргумент в пользу того, что культура в советский период находилась под влиянием идеологии в состоянии упадка. *«Все было идеологизировано. Все было направлено на создание человека, который не имеет собственного мнения, не имеет собственных чувств, подчиняется системе»* (жен., 19, гум.).

Идеологические ограничения, связанные с железным занавесом, создавали препятствия для свободы творчества в советском обществе. *«В культурном плане это лишило людей возможности развития, невозможно было заниматься, например, некоторыми видами живописи. Была установка, связанная с идеологией, посвящать творчество государству, прославлять партию»* (муж., 20, тех.).

«Либеральная» интерпретация железного занавеса позволяет найти аргументы в пользу того, что современная отечественная культура изменилась в лучшую сторону по сравнению с советским периодом.

«Железный занавес пал, поэтому мы можем пользоваться благами западного мира и культуры. Интернет дает шанс развивать культуру» (муж., 22, тех.).

Участница фокус-группы отметила, что *«среди положительных явлений в России стали появляться новые жанры музыки, театра, которые пришли к нам из-за рубежа»* (жен., 19, тех.).

«Историческая» интерпретация железного занавеса выделяет достоинства советской культуры. Было высказано мнение о том, что невозможно *«сравнивать современную культуру и советскую. Культура была подцензурной, но по своему качеству она была значительно выше и лучше, чем современная. Сейчас снимают или рисуют как хотят, однако пишут и снимают одно и то же. В советский период было больше оригинальности, искренности. Советское искусство в разы выше, достойнее, чем современное»* (муж., 21, гум.).

При этом участники фокус-группы выразили мнение о самобытности советской культуры, в частности кинофильмов. Причина этого в том, что *«в прежние времена создатели фильмов ориентировались на мнение зрителей, старались соответствовать запросам общества, а сейчас руководствуются только тем, чтобы нравилось себе»* (жен., 21, гум.).

«Историческая» трактовка советской культуры включает суждения о том, что под влиянием Запада отечественная культура утрачивает самобытность. Однако это не рассматривается участником фокус-группы как отрицательное явление. *«Сложно выделить сейчас чисто российскую культуру, она сильно резонирует с европейской и с восточными культурами»* (муж., 21, тех.).

Аксиологические противоречия интерпретаций железного занавеса находят отражение в «либеральной» и «исторической» трактовке культуры советского периода. «Либеральная» интерпретация в качестве основного фактора, определяющего состояние советской культуры, выделяет коммунистическую идеологию. Её существование, по мнению сторонников «либеральной» трактовки, исключает свободу в сфере творчества, а также возможности для самовыражения личности.

«Историческая» интерпретация железного занавеса акцентирует внимание на достижениях советской культуры, значимости для общества в целом. Железный занавес, по мнению сторонников «исторической» трактовки, ориентировал культуру на удовлетворение потребностей государства, а современная культура служит средством самореализации индивида. Падение железного занавеса интегрирует национальную культуру в глобальные процессы, при этом она утрачивает свою самобытность.

Противоречия социальной идентичности

Участникам фокус группы был задан вопрос: «Какое влияние на развитие общества оказал железный занавес?». Ответы на этот вопрос связаны с представлениями

о дифференциации отношения советского общества к Западу в прошлом и в настоящем. Этот фактор оказывает влияние на представления о значимости опыта советских поколений для формирования социальной идентичности современной молодежи.

«Либеральная» трактовка железного занавеса включает убеждение в том, что русофобия, о которой средства массовой информации публикуют немало материалов, является одним из следствий идеологического воздействия советской пропаганды.

«Железный занавес настраивал советских людей против Европы. Советским людям внушали, что им там не рады, их там не ждут» (жен., 22, гум.).

Под влиянием железного занавеса в западных странах, по мнению молодежи, происходило искажение информации о советских людях. Участница фокус-группы процитировала стихотворение Маяковского про советский паспорт: *«берут как бомбу, как ежа» (жен., 21, гум.).*

Сторонники «либеральной» интерпретации железного занавеса акцентируют внимание на существовании резких различий во взглядах со старшими поколениями.

«Сейчас старшее поколение сложно переубедить в чем-либо, они считают, что американцы – это плохо. Цитируют Задорнова. Они верят всем новостям по телевизору, они считают, что все это правда. Сформировались стереотипы. Не было культурного взаимодействия, культурного обмена» (жен., 20, гум.).

Слепой вере в «пропаганду» молодежь противопоставляет негативное отношение к официальным источникам информации. Для некоторых представителей молодежи характерно недоверчивое отношение к тому, что в западных странах существует предвзятое отношение к русским.

«Историческая» трактовка железного занавеса при объяснении его влияния на советское общество выделяет социально-психологические особенности, возникающие в условиях информационных ограничений. По мнению участников фокус-группы, политика железного занавеса не была эффективной. Препятствия в получении информации о жизни за рубежом вызывали повышенный интерес к ней у советских людей, стремление подражать западному образу жизни.

«У большинства осталась парадигма, что то, что есть на Западе, то хорошо для нас, для нашего общества, для нашей страны. С другой стороны, нас за бугром никогда не любили и любить не будут» (муж., 21, тех.).

Это суждение содержит два противоположных критерия, которые связаны с представлениями о железном занавесе. С одной стороны, это преклонение перед Западом, с другой стороны, недоверчивое отношение к нему. «Историческая» трактовка указывает на то, что отношение к Западу является одним из важных факторов социальной дифференциации общества не только в советский период, но и на современном этапе.

«Железный занавес не препятствовал, а способствовал интересу к западному образу жизни. До сих пор в обществе существует конфликт по этому поводу, нужно ли нам кооперироваться с другими странами для создания товаров» (муж., 22, гум.).

Современной молодежью политика железного занавеса рассматривается в качестве одного из факторов формирования социальной идентичности старших поколений. В «либеральной» трактовке подчеркиваются различия мировоззрения современной молодежи и поколений советского общества. При этом утверждается, что молодежь «свободна» от стереотипов, поэтому открыта для восприятия достижений западной цивилизации. А представители старшего поколения рассматриваются как носители идеологических штампов по отношению к Западу, сформировавшихся под влиянием железного занавеса.

Сторонники «исторической» интерпретации считают, что стереотипы железного занавеса выступают одним из проявлений конфликтных взаимодействий с западной цивилизацией, которые существовали между Россией и Западом в течение многих веков. «Историческая» трактовка не устанавливает резких различий в отношении к Западу

советских поколений и современной молодежи. Следствием влияния политики железного занавеса на советское общество является преклонение перед Западом, которое характерно для определенной категории российских граждан, вне зависимости от возрастных различий.

Заключение

Противоречия в трактовке понятия железного занавеса находят проявление в различиях «либеральной» и «исторической» интерпретаций, которые были выявлены на основе анализа материалов фокус-групп. При сравнении позиций рассмотрены идеологические, аксиологические аспекты, а также критерии социальной идентичности.

Как показали результаты фокус-групп, в «либеральной» интерпретации железный занавес рассматривается как политика советского государства по отношению к советским гражданам, которая осуществлялась под влиянием коммунистической идеологии. «Либеральная» трактовка выделяет коммунистическую идеологию в качестве основной причины искаженных представлений советских людей о западном образе жизни. «Либеральная» трактовка железного занавеса противопоставляет ценности советских поколений ценностям современной молодежи. Утверждается, что взгляды представителей старших поколений основаны на пропаганде, которая отождествляется с информацией из официальных источников. «Либеральная» трактовка рассматривает русофобию как продукт советской пропаганды, которая убеждала советских граждан в негативном отношении к ним на Западе. В современных условиях, с точки зрения молодежи, критика западного образа жизни считается устаревшей и неуместной.

«Историческая» интерпретация рассматривает железный занавес как следствие политического конфликта после Второй мировой войны, нашедшего проявление в обострении отношений между Советским Союзом и Западом. «Историческая» трактовка железного занавеса отображает представления о самобытности, духовности, искренности произведений, созданных в советский период. Специфика советской культуры видится в том, что она выражала интересы государства и развития общества.

При объяснении влияния западных ценностей на социальную идентичность «историческая» интерпретация железного занавеса опирается на понимание социально-психологических механизмов. Усилия, направленные на ограничение информационного влияния Запада, привели к созданию «культы» западного образа жизни в сознании многих советских людей. Согласно «исторической» трактовке, компонентом социальной идентичности выступает отношение российских граждан к западным ценностям, которое прослеживалось не только в советский период, но и на других этапах развития общества.

Противоречия между трактовками стереотипа железного занавеса проявляются в том, что они выполняют противоположные функции. «Либеральная» интерпретация указывает на негативные последствия коммунистической идеологии, при этом ее сторонники не учитывают, что любая идеология опирается на стереотипы. Функции «исторической» интерпретации состоят в объяснении социально-политического контекста, который создает и поддерживает социальные стереотипы. «Историческая» трактовка критически переосмысливает последствия политики железного занавеса не только для прошлого, но и для настоящего, опираясь на знания социальных и гуманитарных наук.

Список литературы

- Асонов Н.В. 2022. Российская цивилизация: миф и реальность. *Социально-гуманитарные знания*. 2: 54–63. DOI 10.34823/SGZ.2022.2.51772.
- Ассман Я. 2004. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Пер. М.М. Сокольской. М., Языки славянской культуры: 363 с.

- Бешко Е. В. 2016. Фултонская речь У. Черчилля: документальное начало холодной войны. *Научный вестник Крыма*, 4 (4): 21.
- Громыко А.А. 2016. Истоки и влияние холодной войны на мировую политику. *Современная Европа*, 1(67): 26–38. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120162638>.
- Евгеньева Т.В., Титов В.В. 2017. Образы прошлого в российском массовом политическом сознании: мифологическое измерение. *Политическая наука*, 1: 120–137.
- Ефременко Д.В. 2023. Обретая уверенность в собственном прошлом. Российские идентичность и политика памяти на новой исторической развилке. *Политическая наука*, 2: 15–45. DOI: [10.31249/poln/2023.02.01](https://doi.org/10.31249/poln/2023.02.01)
- Жихарева Н.А., Яковлева Е.П. 2021. Стереотипы как средства влияния на массовое сознание в политическом дискурсе. *Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики*, 2: 31–40. DOI: [10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-4](https://doi.org/10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-4).
- Замараева Е.И. 2022. Проблемы сохранения исторической памяти в эпоху цифровизации. *Казанский педагогический журнал*, 3(152): 263–268. DOI: [10.51379/KPJ.2022.153.3.034](https://doi.org/10.51379/KPJ.2022.153.3.034).
- Касьянов В.В. 2021. Советский человек: возможна ли реинкарнация? *Гуманитарий Юга России*, 1:143–152. DOI: [10.18522/2227-8656.2021.1.13](https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.1.13).
- Киселев С.Г., Кефели И.Ф., Опокин А.Б. 2022. Из-за железного занавеса в сети гибридной войны (эхо Фултонской речи Черчилля). *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*, 3(41): 24–33. DOI: [10.22394/2073-2929-2022-03-24-33](https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-03-24-33).
- Ключников С.Ю. 2017. О патриотизме, эмиграции и поездках за границу. *Постсоветский материк*, 1(13): 47–54.
- Кутепов В.А., Рыбаков С.В. 2013. Фултонская речь Черчилля: суть и подтексты. *Омский научный вестник*, 3(119): 17–20.
- Кутыкова И.В. 2015. Историческая память нового поколения в условиях социокультурной трансформации. *Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры*, 208: 7–15.
- Логунова Л.Ю., Рычков В.А. 2020. Поле памяти: конструирование и борьба нарративов. *Идеи и идеалы*, 12 (4) 1: 191–213. DOI: [10.17212/20750862-2020-12.4.1-191-213](https://doi.org/10.17212/20750862-2020-12.4.1-191-213).
- Лукиянов В. Ю. 2021. Гармонизация системы международных отношений XXI века: идеологический аспект. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*, 2: 20–29. DOI: [10.37482/2687-1505-V084](https://doi.org/10.37482/2687-1505-V084).
- Мегилл А. 2005. История и память: за и против. *Философия и общество*, 2: 132–165.
- Медушевский Н.А. 2019. Политика памяти в Европейском союзе как инструмент реализации интеграционного процесса. *Власть*, 3: 167–174. DOI: [10.31171/vlast.v27i3.6436](https://doi.org/10.31171/vlast.v27i3.6436).
- Миллер А.И. 2019. Рост значимости институционального фактора в политике памяти – причины и последствия. *Полития*, 3 (94): 87-102. DOI: [10.30570/2078-5089-2019-94-3-87-102](https://doi.org/10.30570/2078-5089-2019-94-3-87-102).
- Павловская А.В. 2012. Россия И Запад: догнать и перегнать? *Россия и Запад: диалог культур*, 1: 4.
- Рябов Д.О. 2016. Политика памяти в формировании европейской идентичности ЕС. *PolitBook*, 4: 65–83.
- Усманова З.Р., Смулькина Н.В. 2023. Актуализация образов прошлого в представлениях граждан о будущем России. *Политическая наука*, 2: 254–272. DOI: [10.31249/poln/2023.02.11](https://doi.org/10.31249/poln/2023.02.11).
- Федоров А.В. 2009. Сравнительный анализ медийных стереотипов времен «Холодной войны» и идеологической конфронтации (1946-1991). *Медиаобразование*, 4: 62–84.
- Фетисова О.В. 2021. Тенденции развития социальной памяти в современном информационном пространстве России. *Гуманитарий Юга России*, 2: 58–67. DOI: [10.18522/2227-8656.2021.2.5](https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.2.5).
- Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. Пер. с фр. и вступительная статья С.Н. Зенкина. М., Новое издательство: 348 с.
- Ширяев Б.А. 2016. У истоков холодной войны (глобальные замыслы Вашингтона и иллюзорные ожидания и просчеты Москвы). *Управленческое консультирование*, 4 (88): 238–252.
- Blanuša N. 2005. Historical Consciousness of Young People in Europe at the Turn of the Millennium. *Politička misao*, XLII (5):31–54.
- Karlsson K.-G. 2011. Processing Time – On the Manifestations and Activations of Historical Consciousness. *Historicizing the Uses of the Past. Scandinavian Perspectives on History Culture, Historical Consciousness and Didactics of History Related to World War II*, editor Bjerg, Helle ; Lenz, Claudia and Thorstensen, Erik, 130–144. DOI: [10.14361/transcript.9783839413258.129](https://doi.org/10.14361/transcript.9783839413258.129)

- Nordgren K. 2021. The sidewalk is a history book: Reflections on linking historical consciousness to uses of history. *Historical Encounters A journal of historical consciousness historical cultures and history education*, 8(1): 1–15. DOI: 10.52289/hej8.101
- Rigney A. 2012. Transforming Memory and the European Project. *New Literary History*, 43(4): 607–628. DOI: 10.2307/23358659
- Smit R. 2020. Connective Memory Work on Justice for Mike Brown. In Merrill S., Keightley E., Daphi P. (Eds.), *Social Movements, Cultural Memory and Digital Media : Mobilising Mediated Remembrance* (Palgrave Macmillan Memory Studies book series (PMMS)): 85–108. DOI: 10.1007/978-3-030-32827-6_4
- Thompson T.L., Dean K.T. 2017. National Identity, Historical Consciousness, and Historical Preservation. *International Journal of Bahamian*, 23. DOI: 10.15362/ijbs.v23i0.280
- Von Borries B. Coping with Burdening History. *Historicizing the Uses of the Past. Scandinavian Perspectives on History Culture, Historical Consciousness and Didactics of History Related to World War II.* editor Bjerg, Helle ; Lenz, Claudia and Thorstensen, Erik: 165–189. DOI: 10.14361/transcript.9783839413258.129

References

- Asonov N.V. 2022. Rossijskaya civilizaciya: mif i real'nost' [Russian civilization: myth and reality]. *Social'no-gumanitarnye znaniya*. 2: 54–63. (in Russian). DOI: 10.34823/SGZ.2022.2.51772
- Assman Ya. 2004. Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti [Cultural memory: writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Per. M.M. Sokol'skoj. M., Yaz. slav. kul'tury. MM. Sokolskaya. M., Yaz. glory. culture: 363 p.
- Bebeshko E. V.2016. Fultonskaya rech' U. Cherrchillya: dokumental'noe nachalo holodnoj vojny [Fultonsky speech of U. Churchill: documentary beginning cold war]. *Nauchnyj vestnik Kryma*, 4(4): 21 p. (in Russian).
- Gromyko A.A. 2016. Istoki i vliyanie holodnoj vojny na mirovuyu politiku [Emergence and influence of "cold war" over world politics]. *Sovremennaya Evropa*, 1(67): 26–38 (in Russian). DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120162638>
- Evgenyeva T.V., Titov V.V. 2017. Obrazy proshlogo v rossijskom massovom politicheskom soznanii: mifologicheskoe izmerenie [Images of the Past in Russian mass political consciousness: Mythological measurement]. *Politicheskaya nauka*, 1: 120–137 (in Russian).
- Efremenko D.V. 2023. Obretaya uverenost' v sobstvennom proshlom. Rossijskie identichnost' i politika pamyati na novej istoricheskoy razvilke [Gaining certainty in our own past. Russian identity and memory politics at a new historical fork]. *Politicheskaya nauka*, 2: 15–45 (in Russian). DOI: 10.31249/poln/2023.02.01
- Zhikhareva N.A., Yakovleva E.P. 2021. Stereotipy kak sredstva vliyaniya na massovoe soznanie v politicheskom diskurse [Stereotypes as means of influencing mass consciousness in political discourse]. *Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoj lingvistiki*, 2: 31–40 (in Russian). DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-4
- Zamaraeva E. 2022. Problemy sohraneniya istoricheskoy pamyati v epohu cifrovizacii [Problems of preserving historical memory in the era of digitalization]. *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal*, 3(152): 263-268 (in Russian). DOI:10.51379/KPJ.2022.153.3.034
- Kasyanov V.V. 2021. Sovetskij chelovek: vozmozhna li reinkarnaciya? [Soviet man: is reincarnation possible?]. *Gumanitarnij Yuga Rossii*, 1: 143–152 (in Russian). DOI: 10.18522/2227-8656.2021.1.13
- Kiselev S. G., Kefelib I. F., Opokin A. B. 2022. Iz-za zheleznogo zanavesa v seti gibridnoj vojny (ekho Fultonskoj rechi Cherrchillya) [From behind the Iron Curtain to Hybrid Warfare Networks (Echoes of Churchill's Fulton Speech)]. *Evrazijskaya integraciya: ekonomika, pravo, politika*, 3(41): 24–33 (in Russian). DOI: 10.22394/2073-2929-2022-03-24-33
- Klyuchnikov S. 2017. O patriotizme, emigracii i poezdках za granicu [On patriotism, emigration and travelling abroad]. *Postsovetskij materik*, 1(13): 47–54 (in Russian).
- Kutepov V.A., Rybakov S.V. 2013. Fultonskaya rech' Cherrchillya: sut' i podteksty [Churchill's Fulton speech: essence and subtexts]. *Omskij nauchnyj vestnik*, 3(119): 17–20 (in Russian).

- Kutykova I.V. 2015. Istoricheskaya pamyat' novogo pokoleniya v usloviyah sociokul'turnoj transformacii [Historical memory of the new generations in conditions of socio-cultural transforms]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, 208: 7-15 (in Russian).
- Logunova L., Rychkov V. 2020. Pole pamyati: konstruirovaniye i bor'ba narrativov [Memory field: design and fight of narratives]. *Idei i idealy*, 12(4) 1: 191–213 (in Russian). DOI: 10.17212/20750862-2020-12.4.1-191-213
- Luk'yanov V. Yu. 2021. Garmonizaciya sistemy mezhdunarodnyh otnoshenij XXI veka: ideologicheskij aspekt [Harmonization of the system of international relations in the 21st century: an ideological aspect]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki*, 2: 20–29 (in Russian). DOI: 10.37482/2687-1505-V084
- Megill A. 2005. Istoriya i pamyat': za i protiv [History and memory: pros and cons]. *Filosofiya i obshchestvo*, 2: 132–165 (in Russian).
- Medushevsky N.A. 2019. Politika pamyati v Evropejskom soyuze kak instrument realizacii integracionnogo processa [Memory policy in the European union as a tool for the implementation of the integration process]. *Vlast'*, 3: 167–74 (in Russian). DOI: 10.31171/vlast.v27i3.6436.
- Miller A.I. 2019. Rost znachimosti institucional'nogo faktora v politike pamyati - prichiny i posledstviya [Growth of the significance of institutional factor in politics of memory -causes and implications]. *Politiya*, 3 (94):87-102 (in Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2019-94-3-87-102
- Pavlovskaya A.V. Rossiya I Zapad: dognat' i peregnat'? [Russia and the West: Catch up with and Pass?]. *Rossiya i Zapad: dialog kul'tur*, 1: 4 (in Russian).
- Ryabov D.O. 2016. Politika pamyati v formirovanii evropejskoj identichnosti ES [Politics of memory in the formation of european identity EU]. *PolitBook*, 4: 65–83 (in Russian).
- Usmanova Z.R., Smulkina N.V. 2023. Aktualizaciya obrazov proshlogo v predstavleniyah grazhdan o budushchem Rossii [Actualization of images of the past in citizens' ideas about the future of Russia]. *Politicheskaya nauka*, 2: 254–272 (in Russian). DOI: 10.31249/poln/2023.02.11
- Fedorov A.V. 2009. Sravnitel'nyj analiz medijnyh stereotipov vremen «Holodnoj vojny» i ideologicheskoy konfrontacii (1946-1991) [Comparative analysis of media stereotypes during the Cold War and ideological confrontation (1946-1991)]. *Mediaobrazovanie*, 4: 62–84 (in Russian).
- Fetisova O.V. 2021. Tendencii razvitiya social'noj pamyati v sovremennom informacionnom prostranstve Rossii [Trends in the development of social memory in the modern world information space of Russia]. *Gumanitarnij Yuga Rossii*, 2: 58–67 (in Russian). DOI: 10.18522/2227-8656.2021.2.5
- Halbvaks M. 2007. Social'nye ramki pamyati [Social framework of memory] Per. s fr. i vstupitel'naya stat'ya S.N. Zenkina – M.: Novoe izdatel'stvo. Per. from fr. and introductory article by S.N. Zenkina. M.: New publishing house, 2007. 348 p.
- Shiryayev B. A. 2016. U istokov holodnoj vojny (global'nye zamysly Vashingtona i illyuzornye ozhidaniya i proshchety Moskvyy) [At the Origins of the Cold War (Washington's Global Plans and Moscow's Illusory Expectations and Miscalculations)]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 4(88): 238–252 (in Russian).
- Blanuša N. 2005. Historical Consciousness of Young People in Europe at the Turn of the Millennium. *Politička misao*, XLII (5): 31–54.
- Karlsson K.-G. 2011. Processing Time – On the Manifestations and Activations of Historical Consciousness. *Historicizing the Uses of the Past. Scandinavian Perspectives on History Culture, Historical Consciousness and Didactics of History Related to World War II*, editor Bjerg, Helle ; Lenz, Claudia and Thorstensen, Erik, 130–144. DOI: 10.14361/transcript.9783839413258.129
- Nordgren K. 2021. The sidewalk is a history book: Reflections on linking historical consciousness to uses of history. *Historical Encounters a journal of historical consciousness historical cultures and history education*, 8(1): 1–15. DOI: 10.52289/hej8.101
- Rigney A. 2012. Transforming Memory and the European Project. *New Literary History*, 43(4): 607–628. DOI: 10.2307/23358659
- Smit R. 2020. Connective Memory Work on Justice for Mike Brown. In Merrill S., Keightley E., Daphi P. (Eds.), *Social Movements, Cultural Memory and Digital Media : Mobilising Mediated Remembrance* (Palgrave Macmillan Memory Studies book series (PMMS)): 85–108. DOI: 10.1007/978-3-030-32827-6_4

- Thompson T.L., Dean K.T. 2017. National Identity, Historical Consciousness, and Historical Preservation. *International Journal of Bahamian*, 23. DOI: 10.15362/ijbs.v23i0.280
- Von Borries B. Coping with Burdening History. *Historicizing the Uses of the Past. Scandinavian Perspectives on History Culture, Historical Consciousness and Didactics of History Related to World War II.* editor Bjerg, Helle ; Lenz, Claudia and Thorstensen, Erik: 165–189. DOI: 10.14361/transcript.9783839413258.129

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 11.05.2024

Поступила после рецензирования 07.07.2024

Принята к публикации 16.08.2024

Received May 11, 2024

Revised July 07, 2024

Accepted August 16, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цветкова Ирина Викторовна, доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии, Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти, Россия.

 [ORCID: 0000-0002-3433-328X](https://orcid.org/0000-0002-3433-328X)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina V. Tsvetkova, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of History and Philosophy, Tolyatti State University, Tolyatti, Russia.

 [ORCID: 0000-0002-3433-328X](https://orcid.org/0000-0002-3433-328X)